

УДК 930 (474.5+ 438+47)

**ВИЛЬНЮССКИЙ ВОПРОС
В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ:
ИСТОРИОГРАФИЯ
ПРОБЛЕМЫ**

М. А. Манкевич*

Анализируются некоторые аспекты историографии вильнюсского вопроса как международной проблемы. Автор рассматривает истоки польско-литовского конфликта, место борьбы за Вильнюс в глобальном польско-литовском противостоянии, происхождение и природу литовского национализма. В статье также представлены историографические оценки захвата Вильнюса отрядами польского генерала Л. Желиговского и международных последствий нарушения Сувалкского договора. Особое внимание уделено позициям западных держав, решению конференции послов Антанты от 15 марта 1923 г., посредничеству Лиги Наций в разрешении территориального спора между Польшей и Литвой. Автор рассматривает существующие в историографии концепции и оценки роли советской дипломатии в вильнюсском вопросе. Делается вывод о наметившихся тенденциях в современной историографии вильнюсской проблемы.

Ключевые слова: Литва, Польша, СССР, Лига Наций, историография, международные отношения, вильнюсский вопрос, 1918—1939 гг.

Вильнюсский вопрос как международная проблема не только был камнем преткновения в двусторонних польско-литовских отношениях военного периода, но и вовлек в сложный клубок международных противоречий ведущие европейские державы и Советский Союз.

Вильнюсский вопрос – международная проблема, возникшая в результате конфликта между Польшей и Литвой из-за древнего города Вильно и прилегающих к нему территорий. После захвата города польскими войсками 9 октября 1920 г. Литва и Польша находились в состоянии войны до 1927 г. Дипломатические отношения между

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 01.03.2012 г.

странами возобновились лишь в 1938 г. На протяжении всего межвоенного периода вильнюсский вопрос был ключевой проблемой литовской внешней политики, чрезвычайно болезненной для идеологов литовского национализма, а в Конституции независимой Литвы Вильнюс провозглашался оккупированной столицей государства.

Спор между Литвой и Польшей исследователи сравнивают с другими конфликтами подобного рода. Американский историк А.Е. Зенн проводит аналогию с арабо-израильским и индо-пакистанским конфликтами, отмечая при этом особенность польско-литовского противостояния: «дискуссионный» регион включал столицу одной из конфликтующих сторон [1, р. 235]. Литовский автор В. Жалис, раскрывая значение Вильнюса для межвоенной Литвы, проводит параллель с Эльзасом и Лотарингией для Франции, а также Триестом для Италии. Он замечает, что как бы ни были дороги французским и итальянским сердцам данные территории, они «никогда не были колыбелью ни французской, ни итальянской государственности» [2, р. 24].

Став ключевой проблемой литовско-польских отношений, вильнюсский вопрос привлек внимание исследователей — современников тех событий [3—9] еще тогда, когда его окончательное разрешение представлялось делом отдаленного будущего. На польско-литовский конфликт обращали и продолжают обращать свое внимание историки разных стран. За последние десять лет было издано несколько работ по историографии проблемы, однако они представляют собой либо срез мнений историков определенного хронологического периода (обзор исследований, опубликованных после 1989 г.) [10—12], либо систематизацию накопленных исторических исследований в самом общем виде [13].

В настоящей статье предпринята попытка заострить внимание на некоторых проблемах историографии вильнюсского вопроса как международной проблемы и отойти от хронологического и традиционного национального принципа рассмотрения взглядов историков по этой проблеме. Мнения исследователей сгруппированы по четырем ключевым аспектам темы: 1) истоки и причины польско-литовского конфликта, его специфика; 2) значение и международные последствия акции польского генерала Л. Желиговского¹; 3) позиция западных держав, а также посредничество международных институтов; 4) позиция СССР в вильнюсском вопросе.

Основной корпус источников, отражающих перипетии дипломатической борьбы за Вильнюс, был опубликован еще в межвоенный период. Однако одни и те же документы интерпретировались историками по-разному, нередко в зависимости от политических убеждений и национальной принадлежности. Для современного (постсоветского) периода историографии характерно широкое использование архивных материалов, ранее недоступных или невостребованных предшествующими поколениями исследователей. К сожалению, работы современных российских историков существенно уступают публикациям их западных коллег по количеству мобилизованных источников.

¹ Имеется в виду захват Вильнюса польскими военными 9 октября 1920 г.

По мнению ряда историков, локальный конфликт из-за Вильнюса был лишь частью глобального польско-литовского противостояния, истоки которого уходят во вторую половину XIX в. Еще до воссоздания независимых Польши и Литвы проблему польско-литовского спора подробно раскрыл в своей статье М. Ромер [14]. Известный литовский юрист и общественный деятель проанализировал постепенный процесс полонизации и русификации населения, проживавшего на территориях Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). Больше всего полонизация затронула литовское дворянство. Это, с точки зрения М. Ромера, привело к тому, что «литовская национальная культура сохранилась в низших крестьянских кругах» [14, р. 247]. Народ, отодвинутый от политической жизни и занятый работой на земле, не имел близких контактов с образованными сословиями и меньше всего испытал на себе влияние светской культуры, которая, после объединения Польши и Литвы, а затем включения в состав Российской империи, была польско- и русскоязычной. Литовские дворяне, поддавшись польскому и русскому культурному влиянию, «слились с ним». Именно поэтому первые деятели литовского национального движения, зародившегося на рубеже XVIII—XIX вв., были родом из крестьян.

Эту мысль — под своим углом зрения — развивали советские и российские авторы Р. Жепкайте, Р. Жюгжда, И. В. Михутина, Я. Я. Гришин [15—19]. Р. Жепкайте видела корни враждебности двух наций в «классовом антагонизме между крепостным литовским крестьянством и помещиками, большинство из которых были польского происхождения» [16, с. 17]. Российский историк Я. Я. Гришин соглашается с И. В. Михутиной в том, что литовская нация преимущественно складывалась как крестьянская, и «такого рода дифференциация в национальной структуре... обеспечивала польское культурное влияние в ущерб литовской национальной культуре. Поэтому национальное движение... изначально утверждало себя как антипольское» [18, с. 16].

Совершенно противоположным образом антипольскую направленность литовского национального движения трактовал польский специалист В. Вельгорский. Он полагал, что полонизация была следствием сознательного выбора литовским населением (не только дворянами, но мещанством и крестьянством) более прогрессивной польской культуры [20, s. 254].

Возвращаясь к развитию литовского национального движения, необходимо отметить, что сначала оно видело свою задачу лишь в просвещении литовцев. Однако со второй половины XIX в. речь начинает идти уже о достижении политической самостоятельности [21]. Именно в это время, по мнению М. Ромера, зарождается глобальное непонимание между поляками и литовцами [14, р. 248]. Литовский дипломат и юрист Д. Заунис пишет, что «на усилия литовского народа создать совершенно независимое государство народ воссозданной Польши смотрел как на нанесенную Польше обиду, особенно когда Литва решила объединиться вокруг так полюбившейся полякам литовской столицы Вильнюса» [22, р. 31].

Другая дискуссионная проблема — вопрос о национальной принадлежности населения спорных территорий. Историки приводят стати-

стические данные различных переписей населения, однако одной из причин конфликта признается совершенно разная трактовка поляками и литовцами содержания понятия «национальность». По мнению польского автора П. Лоссовского, согласно критериям, из которых исходили польские политики, поляком на бывших территориях ВКЛ считался тот, кто говорил дома по-польски и, «что важнее всего — кто ощущал себя поляком, сам идентифицировал себя как поляка». Литовцы же, пишет исследователь, «утверждали, что национальность определяется происхождением, иногда очень древним», а самоощущение человека вторично. Польское и белорусское население спорных территорий считалось славянизированными литовцами, которых надлежит вернуть в лоно «литовскости» [23, с. 14].

Другой польский специалист — К. Буховский — подробно исследует проблему литовской национальной и исторической идентичности. Он обращает внимание на отношение литовских национальных идеологов к так называемому «полонизированным литовцам» — полякам, проживающим на территориях ВКЛ [24, с. 9]. «Полонизированный литовец» — это ярлык, который активно использовался деятелями литовского национального движения. Под аналогичным ракурсом литовские националисты рассматривали и германизированное население так называемой Малой Литвы, входившей в состав Восточной Пруссии [24, с. 11]. Из такой трактовки понятия «национальность», по мнению П. Лоссовского, и выросли литовские территориальные претензии [23, с. 15]. Автор фундаментального труда «Борьба за независимость Литвы» американский историк А. Рукша называет эти претензии «немного разминувшимися с действительностью» [25, р. 67].

Оба автора, П. Лоссовский и К. Буховский, сходятся во мнении, что литовское национальное возрождение, а позже идеология независимой Литвы развивались под воздействием страха перед ассимиляцией [25, с. 14]. Национальная идеология была призвана остановить процесс биологической гибели «литовскости» [24, с. 9].

Литовский национализм, основывавшийся на славе ВКЛ со столицей в Вильнюсе², по мнению А. Е. Зенна, был сердцем вильнюсского вопроса. Отказаться от Вильнюса в тот момент «казалось эквивалентным отказу от идеи независимости» [1, р. 235]. В. Жалис солидарен со своим заокеанским коллегой: «После аннексии Вильнюса Польша в Литве воспринималась как величайший источник угрозы суверенитету и территориальному единству страны» [2, р. 24]. Вот почему в течение ряда лет вильнюсский вопрос был самой важной проблемой не только внешней, но и внутренней политики Литвы³.

Несколько иной взгляд на причины польско-литовского конфликта представлен в работах некоторых советских и российских ученых — Е. Матулайтис, И. Шубина, Р. Жепкайте, Я. Гришина. Во главу угла ими ставится «алчность и агрессивность» возрожденного польского государства [18, с. 11], которую очень эмоционально описывает И. Шу-

² О «синдроме наследия ВКЛ» пишут и другие литовские историки — см. [2, р. 17].

³ Об отношении к вильнюсскому вопросу различных литовских политических партий подробнее в [26].

бин: «...в действительности мотив о населении, выставленный Польшей, имеет такой же вес, как мотив крыловского волка, пожирившего невинного ягненка потому, что ему жрать хотелось» [4, с. 27]. Историк Я. Гришин подчеркивает, что Польша была кровно заинтересована в Неманском бассейне и незамерзающем порте Клайпеды, которые «обеспечили бы Польше свободный выход к Балтийскому морю и создали удобную базу для последующего захвата всей Прибалтики» [18, с. 35—36]. Не осталась в стороне и проблема колонизации литовцев: Е. Матулайтис в своей работе касается деятельности польских ученых межвоенного периода, развивавших идею исторической обусловленности и закономерности славянизации литовцев бывших Виленской и Ковенской губерний, а также германизации литовцев в Пруссии [3, с. 8].

Историки сходятся во мнении, что кульминацией, «точкой невозврата» польско-литовских отношений стало нарушение Польшей Сувалкского договора⁴ и захват Вильнюса отрядами генерала Л. Желиговского⁵. Тот факт, что за «бунтом» генерала стояли власти Второй Речи Посполитой, уже не подвергается сомнению в академическом сообществе. Г. Раух пишет: «Было совершенно очевидно, что Варшава фактически дала одобрение этому рискованному предприятию» [27, р. 101]. Р. Жепкайте на основании материалов польских архивов делает вывод, что кроме Ю. Пилсудского о готовящемся «мятеже» было известно и министру иностранных дел Польши И. Падеревскому [16, с. 22]. Польский автор К. Цезаж также утверждает, что акция была запланирована и воплощена в жизнь по распоряжению правительства Второй Речи Посполитой [28, s. 173]. Он критикует действия руководства Польши прежде всего потому, что они нанесли ущерб международному имиджу страны, которая оказалась в глазах мирового сообщества агрессором и нарушителем международных договоренностей [28, s. 174]. Заключение Сувалкского договора П. Лоссовский вообще считает стратегической ошибкой правительства Второй Речи Посполитой, руководству которой не хватило решительности избежать подписания документа [23, s. 225].

Однако захват Вильнюса нанес не только непоправимый вред двусторонним отношениям Литвы и Польши. По мнению В. Жалиса, именно этот инцидент похоронил «надежду консолидации региона» [2, р. 21]. Американский исследователь П. Чепенас обращает внимание на то, что проблема Вильнюсского края значительно осложнила и отношения союзников — Англии и Франции [29, р. 624].

Позиция западных держав в вильнюсском вопросе по-разному оценивается исследователями. Существует мнение, что подход Запада здесь отчасти был отражением общего отношения к Литве. Появление представителей независимой Литвы на Парижской мирной конференции стало сюрпризом для великих держав, поскольку литовскую деле-

⁴ Сувалкский договор был подписан 7 октября 1920 г. между Литвой и Польшей в Сувалках при посредничестве контрольной комиссии Лиги Наций. Согласно условиям соглашения Вильнюс и прилегающие к нему земли оставались в составе Литвы.

⁵ Девятое октября (день захвата города польскими войсками) было в Литве днем траура на протяжении всего межвоенного периода.

гацию⁶ туда не приглашали. В том, что Запад изначально воспринимал Литву лишь как польскую провинцию, П. Чепенас видит результат деятельности польской пропаганды. В своем исследовании он рассказывает, как, вопреки финансовым трудностям, чтобы повлиять на европейское общественное мнение, представители литовской делегации опубликовали в прессе 15—20 материалов познавательного характера о Литве [29, р. 462—463].

Называя вильнюсский вопрос «эффективным примером влияния союзников в Восточной Европе», А. Е. Зенн отмечает, что причина их неудач заключалась во многом в непонимании особенностей восточноевропейского национализма. Вот почему «идеалистические планы» плебисцита, федерации, автономии разбились «в дребезги», а союзники к концу 1922 г. приготовились признать status quo [1, р. 26]. Именно с этого времени и началась полоса дипломатических признаний суверенитета Литвы западными странами, когда окончательно стало ясно, что объединить Польшу и Литву в федерацию не удастся⁷. А 15 марта 1923 г. конференция послов Антанты приняла резолюцию, по которой Вильнюс и прилегающие к нему территории вошли в состав Речи Посполитой.

Подобный шаг Запада, который, с точки зрения А. Зенна, был уже в какой-то мере актом отчаяния [1, р. 26], советские историки расценивали как «исполнение воли империалистических государств» [32, р. 84—85]. В контексте решения конференции послов Антанты исследователь Г. Раух развивает идею о своеобразной компенсации Литве со стороны Запада, связанной с проблемой Клайпеды⁸. Великие державы надеялись, что если правительству Литвы разрешить сохранить за собой этот край, то оно скорее примирится с утратой Вильнюса [27, р. 105]. С точки зрения советских авторов П. Мишкиниса, К. Почса, А. Рубцова, Р. Жюгжды, Литва была нужна Западу как важное звено в цепи государств, составлявших «санитарный кордон» против СССР [17; 34—36].

Говоря об участии Европы в вильнюсском вопросе, необходимо отметить исследования историков, посвященные посредничеству Лиги Наций в польско-литовском споре [28; 37]. Именно этот международный институт стал ареной польско-литовского противостояния на протяжении 1920-х гг.

В советской риторике Лига Наций представлена выразителем воли империалистических государств, которая даже «санкционировала захват Вильно империалистической Польшей» [3, с. 10]. Однако в работах и З. К. Цецажа, и Г. Вилкялиса предпринята попытка показать неод-

⁶ Подробнее о деятельности литовцев в Париже: [30].

⁷ Подробнее о международном признании Литвы: [31].

⁸ После Первой мировой войны Клайпеда (Мемельская область) была отторгнута от Германии и передана под коллективное управление союзных государств Антанты. Сначала город планировалось передать «Польско-Литовской Федерации». В результате вооруженной провокации, организованной «Комитетом по спасению Малой Литвы» в январе 1923 г., Мемель был занят литовскими войсками. После первоначальных протестов конференции послов Антанты союзники приняли решение о передаче Мемельского края Литве, которое было подтверждено Советом Лиги Наций [33, с. 31—32].

нозначность деятельности международной организации в вильнюсском вопросе.

По данным З. К. Цезажа, Польша уже в октябре 1920 г. стремилась избежать посредничества Лиги Наций, в особенности ее инициативы проведения плебисцита в Вильнюсском крае [28, с. 186]. Анализируя события осени 1920 г., Г. Вилкялис констатирует, что Лига Наций была «просто не в состоянии обуздать поляков и выбрала дорогу все возрастающих компромиссов и уступок» [37, р. 227]. Попытки Лиги Наций обеспечить мир в регионе потерпели крах, поскольку были основаны на легитимизации военной агрессии. Вместе с тем Г. Вилкялис признает, что во многих случаях позиция этого международного института определялась не принципами защиты мира, но, главным образом, интересами великих держав. Даже если бы теоретически Лига Наций на основании ст. 16 своего Устава решила вернуть ситуацию, существовавшую между Литвой и Польшей до нарушения Сувальского договора, «трудно представить, кто был бы в состоянии исполнить это решение» [37, р. 228].

В поиск вариантов решения вильнюсского вопроса был вовлечен и Советский Союз. В советской, а затем и российской историографии сложилась традиция идеализации деятельности СССР в вильнюсском вопросе. Всеми исследователями отмечается, что РСФСР сыграла ключевую роль в возвращении Вильнюса Литве летом 1920 г. [16, с. 21]. В последующем политика советского государства была основана на принципах, изложенных в Московском договоре⁹. Российский автор Я. Гришин резюмирует, что «почти весь межвоенный период был ознаменован стремлением Советского Союза поддерживать с Литвой нормальные, добрососедские отношения» [18, с. 9]. О моральной помощи Литве со стороны СССР пишет Ю. Плотников [33, с. 17].

Основные заслуги СССР в рамках «идеалистической» концепции таковы: РСФСР категорически осудила действия Польши и помогла Литве избежать плебисцита на территории Вильнюсского края осенью 1920 г.¹⁰; осудила также резолюцию конференции послов Антанты от 15 марта 1923 г. Во время обострения отношений между Польшей и Литвой в 1927 г. СССР способствовал сохранению мира в регионе. В этом же ключе советская политика рассматривается и Д. Заунисом, который констатирует, что именно Россия не позволяла Польше прово-

⁹ Московский договор был подписан между Литвой и РСФСР 12 июля 1920 г. Советская Россия признала суверенитет Литвы. Вильнюсский край, а также Гродно, Лида, Ошмяны были признаны литовскими территориями. Обе стороны обязались не допускать пребывания на своей территории вооруженных сил третьих стран.

¹⁰ Проект плебисцита на спорных территориях был предложен конфликтующим сторонам Лигой Наций. Литва (как, впрочем, и Польша) стремилась его избежать. Во-первых, войска генерала Л. Желиговского по-прежнему оставались на территории Вильнюсского края, а во-вторых, для Литвы был неприемлем сам факт проведения референдума по поводу государственной принадлежности собственной столицы.

дить политику «свободных рук» и являлась гарантом суверенитета Литвы [22, р. 33].

С несколько иных позиций к деятельности СССР в вильнюсском вопросе подходят зарубежные авторы. Не отрицая всех перечисленных выше заслуг дипломатии СССР, эта группа исследователей сосредоточила внимание главным образом на мотивах, которыми Советский Союз руководствовался в своей политике. Особое место отводится оценке Московского договора. Сотрудничество литовцев с РСФСР и нарушение нейтралитета в советско-польской войне¹¹ П. Лоссовский называет самоубийственной политикой для Литвы, так как в случае победы Красной армии над Польшей Литву ждала бы «быстрая и полная советизация» [23, s. 226]. А. Каспаравичюс указывает на противоречия между Московским и Рижским мирными договорами. Если первым из них Россия признала Вильнюсский край за Литвой, то в мирном договоре с Польшей он уже определялся как объект спора между Литвой и Польшей [39, с. 130]. Ч. Лауринавичюс также дает негативную оценку Московскому договору, считая, что в итоге Литва оказалась практически под протекторатом Советской России [40, р. 37].

На основании архивных материалов А. Каспаравичюс приходит к выводу, что конфликт Польши и Литвы был выгоден СССР [39, с. 129]. Польско-литовское противостояние препятствовало созданию Восточного Локарно, политического блока Балтийских стран (Литвы, Латвии, Эстонии), вот почему «советская дипломатия была кровно заинтересована не в разрешении литовско-польского конфликта, а в его существовании» [39, с. 136]. Советский Союз был «провизором, который дозировал конфликт в зависимости от обстоятельств» [39, с. 133]. В. Жалис утверждает, что «настоящими победителями в польско-литовском конфликте была Советская Россия... и Германия» [2, р. 21]. Исчезновение Литвы из планируемого буфера делало невозможным окружение стратегически важной Восточной Пруссии [2, р. 22]. Как германские, так и советские дипломаты неоднократно намекали литовским политикам, что если Литва присоединится к союзу (Балтийских государств. — М. М.), то ей нечего ожидать какой-либо поддержки в борьбе против Польши за Вильнюс [41].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей к вильнюсскому вопросу не ослабевает и сегодня. Российскими, польскими, литовскими, американскими учеными предлагаются оригинальные концепции и подходы к разным аспектам вильнюсской проблемы. В последние десятилетия в историографии наблюдается постепенный отход от эмоциональных и односторонних суждений, а также обусловленных национальной принадлежностью авторов оценок участия в решении вильнюсского вопроса СССР и других европейских стран.

¹¹ Вопрос о характере нейтралитета Литвы в советско-польской войне является спорным, см. [38].

Список литературы и источников

1. *Senn A. E.* The Great Powers, Lithuania and the Vilna Question 1920—1928. Leiden, 1966.
2. *Žalys V.* Lietuvos diplomatijos istorija (1925—1940). T. 1. Vilnius, 2007.
3. *Матулайтис Е. С.* Литовцы под гнетом фашистской Польши. Минск, 1936.
4. *Шубин И. (Самарин)* Париж Варшава — Вильно (Виленщина на перекрестке имперских путей Франции). М., 1923.
5. *Anysas M.* Der litauish-polnische Streit um das Wilnagebiet von seinen Anfängen bis zum Gutachten des ständigen Internationalen Gerichtshofes vom. 15. Oktober 1931. Berlin, 1934.
6. *Budecki Z.* Stosunki polsko-litewskie po wojnie światowej, 1918—1928. Warszawa, 1928.
7. *Gražinis K.* La Question de Vilna. P., 1927.
8. *Natkevičius L.* Aspect politique et juridique différend Polono-Lithuanien. Kaunas, 1930.
9. *Urbšys J.* Medžiaga Vilniaus ginčo diplomatinei istorijai. Kaunas, 1932.
10. *Buchowski K.* Dwudziestowieczna Litwa w historiografii polskiej po 1989 roku // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. Białystok, 2003. S. 120—126.
11. *Kasparavičius A.* Współcześni historycy litewscy o sprawie Wilna i stosunkach polsko-litewskich w latach 1918—1940 oraz zmiany w potocznej świadomości Litwinów // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. Białystok, 2003. S. 102—113.
12. *Miknys R.* Historiografia litewska wobec problemów narodowościowych w pierwszej połowie XX wieku // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. Białystok, 2003. S. 114—119.
13. *Ашарчук В. А.* Виленская проблема в историографии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2010. №4. URL: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1761&Itemid=232 (дата обращения: 17.11.2011)
14. *Römeris M.* Lenkų ir lietuvių ginčas // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. Vilnius, 1996. Vol. 13. P. 246—254.
15. *Žepkaitė R.* Diplomacija imperializmo tarnyboja: Lietuvos ir Lenkijos santykiai 1919—1939 m. Vilnius, 1980.
16. *Женкайте Р.* Литовско-польские отношения в 1919—1939 гг. и их место в политической констелляции Северо-Восточной Европы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Вильнюс, 1983.
17. *Žiugžda R.* Lietuva imperialistinių vlastibių planuose 1917—1940. Vilnius, 1983.
18. *Гришин Я. Я.* Необычный ультиматум. Казань, 2005.
19. *Михутина И. В.* Польско-советская война 1919—1920 гг. М., 1994.
20. *Wielhorski W.* Polska a Litwa: Stosunki wzajemne w biegu dziejów. L., 1947.
21. *Stražas A. S.* From Auszra to the Great war: the emergence of the Lithuanian nation // Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. 1996. Vol. 42, №4. URL: http://www.lituanus.org/1996/96_4_03.htm (дата обращения: 19.12.2011).

22. *Zaunius D.* Du Lietuvos užsienio politikos dešimtmečiai // Lietuva 1918—1938. Kaunas, 1990. P. 30—43.
23. *Łossowski P.* Konflikt polsko-litewski 1918—1920. Warszawa, 1996.
24. *Buchowski K.* Szkice polsko-litewskie: czyli o niełatwym sąsiedztwie w pierwszej połowie XX wieku. Toruń, 2005.
25. *Rukša A.* Kovos dėl Lietuvos nepriklausomybės. II tomas: lietuvių-lenkų santykiai ir kovų pradžia. Cleveland, 1981.
26. *Grodis A.* Lietuvos politinių partijų į Lenkiją 1920—1926 metais: nuo modus vivendi paieškų iki nuolatinės konfrontacijos // Lietuvos istorijos studijos. 2008. N 21. P. 37—57.
27. *Rauch G.* The Baltic States: The years of independence. Estonia, Latvia, Lithuania, 1917—1940. L., 1987.
28. *Cesarz Zb. K.* Polska a Liga Narodów: kwestie terytorialne w latach 1920—1925: studium prawno-polityczne. Wrocław, 1993.
29. *Čepėnas P.* Naujųjų laikų Lietuvos istorija. T. 2. Chicago, 1986.
30. *Gaigalaitė A.* Lietuva Paryžiuje 1919 metais. Kaunas, 1999.
31. *Šatas J.* Lietuvos tarptautinės pripažinimas: praetis ir dabartinės realijos. Vilnius, 1991.
32. *Žepkaitė R.* Lietuva ir didžiosios valstybės 1918—1939 m. Kaunas, 1986.
33. *Плотников А. Ю.* Прибалтийский рубеж: к десятилетию заключения российско-литовского договора о границе. М., 2009.
34. *Miškinis P.* Lietuvos ir Lenkijos santykių tarptautiniai teisiniai aspektai (1919—1939). Vilnius, 1976.
35. *Рубцов А. Ф.* Литва в политике французского империализма, 1918—1924. Томск, 1988.
36. *Поч К. Я.* «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921—1929 гг.). Рига, 1985.
37. *Vilkelis G.* Lietuvos ir Lenkijos santykiai Tautų Sąjungoje. Vilnius, 2006.
38. *Нарушила ли* Литва нейтралитет в советско-польской войне? Документы и материалы о польско-литовских переговорах 1920 г. // Балтийские исследования. Восточная Пруссия и Калининградская область в XX веке. Вып. 5. Калининград, 2009. С. 5—23.
39. *Каспаравичюс А.* Советская дипломатия и польско-литовский конфликт, 1925—1935 гг. // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2004. С. 129—138.
40. *Laurinavičius Č.* Geopolitikos ir demokratijos dilema: moderniosios Lietuvos užsienio politika ir Steigiamasis Seimas // 1920—1922 metų parlamentinė patirtis: sprendimų politika, tikslai, aplinkybės. Vilnius, 2000. P. 33—40.
41. *Butkus Z.* The diplomatic cooperation between Germany and the USSR in the Baltic States in 1920—1940 // Lithuanian Foreign Policy Review. Vilnius, 1999. №3. URL: <http://www.lfpr.lt/uploads/File/1999—3/Butkus.pdf> (дата обращения: 25.02.2012).

Об авторе

Манкевич Мария Анатольевна, аспирантка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
E-mail: ourhistory@mail.ru

THE VILNIUS ISSUE IN INTERNATIONAL RELATIONS: THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

M. A. Mankevich

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on March 1, 2012

This article considers certain historiographical aspects of the Vilnius issue as an international problem. The author analyses the origins of the Polish-Lithuanian conflict, the role of struggle for Vilnius in the general context of Polish-Lithuanian confrontation, and the origin and nature of Lithuanian nationalism. The article also examines historiographical perspectives on the seizure of Vilnius by the troops of the Polish general, L. Żeligowsky, and the international consequences of the violation of the Suwalki Agreement. The author pays special attention to the positions of western powers, the decision of the Conference of Ambassadors on March 15, 1923, and the mediation of the League of Nations in the territorial dispute between Lithuania and Poland. The article considers the existing historiographical concepts and evaluations of the role of Soviet diplomacy in the Vilnius issue. The author identifies new trends in the contemporary historiography of the Vilnius problem.

Key words: Lithuania, Poland, USSR, League of Nations, historiography, international relations, Vilnius issue, 1918—1939.

References

1. Senn, A. E. 1966, *The Great Powers, Lithuania and the Vilna Question 1920—1928*, Leiden.
2. Žalys, V. 2007, *Lietuvos diplomatijos istorija (1925—1940)*, T. 1, Vilnius.
3. Matulaitis, E. S. 1936, *Litovcy pod gnjotom fashistskoj Pol'shi [Lithuanians are under the yoke of Nazi Poland]*, Minsk.
4. Shubin, I. 1923, *(Samarin) Parizh — Varshava — Vil'no (Vilenwina na perekrestke imperskih putej Francii) [(Samarin) Paris — Warsaw — Vilna (Vilnius at the crossroads of imperial way of France)]*, Moskow.
5. Anysas, M. 1934 *Der litauish-polnische Streit um das Wilnagebiet von seinen Anfängen bis zum Gutachten des ständigen Internationalen Gerichtshofes vom. 15. Oktober 1931*, Berlin.
6. Budecki, Z. 1928, *Stosunki polsko-litewskie po wojnie światowej, 1918—1928*, Warszawa.
7. Gražinis, K. 1927, *La Question de Vilna*, Paris.
8. Natkevičius, L. 1930, *Aspect politique et juridique différend Polono-Lithuanien*, Kaunas.
9. Urbšys, J., 1932, *Medžiaga Vilniaus ginčo diplomatinei istorijai*, Kaunas.
10. Buchowski, K. 2003, Dwudziestowieczna Litwa w historiografii polskiej po 1989 roku. In: *Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku*, Białystok, pp. 120—126.

11. Kasparavičius, A. 2003, Współcześni historycy litewscy o sprawie Wilna i stosunkach polsko-litewskich w latach 1918—1940 oraz zmiany w potocznej świadomości Litwinów. In: *Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku*, Białystok, pp. 102—113.
12. Miknys, R. 2003, Historiografia litewska wobec problemów narodowościowych w pierwszej połowie XX wieku. In: *Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku*, Białystok, pp. 114—119.
13. Asharchuk, V.A. 2010, Vilenskaja problema v istoriografii [Wilensky problem in the historiography], *Belorusskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij [Belarusian Journal of International Law and International Relations]*, no. 4, available at: http://evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=1761&Itemid=232 (accessed 17 November 2011).
14. Römeris, M. 1996, Lenkų ir lietuvių ginčas, *Lietuvių atgimimo istorijos studijos*, Vol. 13, pp. 246—254.
15. Žepkaitė, R. 1980, *Diplomatija imperializmo tarnyboja: Lietuvos ir Lenkijos santykiai 1919—1939 m.*, Vilnius.
16. Žepkaitė, R. 1983, *Litovsko-pol'skie otnoshenija v 1919—1939 gg. i ih mesto v politicheskoj konstellacii Severo-Vostochnoj Evropy [Lithuanian-Polish relations in the years 1919—1939 and their place in the political constellation of the North-Eastern Europe]*, Vilnius.
17. Žiugžda, R. 1983, *Lietuva imperialistinių vlastibių planuose 1917—1940*, Vilnius.
18. Grishin, Ja. Ja. 2005, *Neobychnyj ul'timatum [An unusual ultimatum]*, Kazan.
19. Mihutina, I. V. 1994, *Pol'sko-sovetskaja vojna 1919—1920 gg. [The Polish-Soviet War 1919—1920]*, Moscow.
20. Wielhorski, W. 1947, *Polska a Litwa: Stosunki wzajemne w biegu dziejów*, London.
21. Stražas, A. S. 1996, From Auszra to the Great war: the emergence of the Lithuanian nation, *Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*, Vol. 42, no. 4, available at: http://www.lituanus.org/1996/96_4_03.htm (accessed 19 December 2011).
22. Zaunius, D. 1990, Du Lietuvos užsienio politicos dešimtmečiai, *Lietuva 1918—1938*, Kaunas, Šviesa, pp. 30—43.
23. Łossowski, P. 1996, *Konflikt polsko-litewski 1918—1920*, Warszawa.
24. Buchowski, K. 2005, *Szkice polske-litewskie: czyli o nielatwym sąsiedztwie w pierwszej połowie XX wieku*, Toruń.
25. Rukša, A. 1981, *Kovos dėl Lietuvos nepriklausomybės. II tomas: lietuvių-lenkų santykiai ir kovų pradžia*, Cleveland.
26. Grodis, A. 2008, Lietuvos politinių partijų į Lenkiją 1920—1926 metais: nuo modus vivendi paieškų iki nuolatinės konfrontacijos, *Lietuvos istorijos studijos*, no. 2, pp. 37—57.
27. Rauch, G. 1987, *The Baltic States: The years of independence. Estonia, Latvia, Lithuania, 1917—1940*, London.
28. Cesarz, Zb. K. 1993, *Polska a Liga Narodów: kwestie terytorialne w latach 1920—1925: studium prawno-polityczne*, Wrocław.
29. Čepėnas, P. 1986, *Naujųjų laikų Lietuvos istorija*, T. 2. Chicago.
30. Gaigalaitė, A. 1999, *Lietuva Paryžiuje 1919 metais*, Kaunas.
31. Šatas, J. 1991, *Lietuvos tarptautinės pripažinimas: praetis ir dabartinės realijos*, Vilnius.

32. Žepkaitė, R. 1986, *Lietuva ir didžiosios valstybės 1918—1939 m*, Kaunas.
33. Plotnikov, A. Ju. 2009, *Pribaltijskij rubezh: K desjatiletiju zaključenija rossijsko-litovskogo dogovora o granice [Baltic milestone: the tenth anniversary of the conclusion of the Lithuanian-Russian border treaty]*, Moscow.
34. Miškinis, P. 1976, *Lietuvos ir Lenkijos santykių tarptautiniai teisiniai aspektai (1919—1939)*, Vilnius.
35. Rubtsov, A.F. 1988, *Litva v politike francuzskogo imperializma, 1918—1924 [Lithuania in the policy of French imperialism, 1918—1924]*, Tomsk.
36. Pochs, K. Ja. 1985, «Sanitarnyj kordon»: *Pribaltijskij region i Pol'sha v antisovetskikh planah anglijskogo i francuzskogo imperializma (1921—1929 gg.) [«Cordon sanitaire»: Baltic region and Poland in the anti-Soviet plans for the British and French imperialism (1921—1929)]*, Riga.
37. Vilkelis, G. 2006, *Lietuvos ir Lenkijos santykiai Tautų Sąjungoje*, Vilnius.
38. Mankevich, M. A., 2009, Narushila li Litva neįtralityt v sovetsko-pol'skoj vojne? Dokumenty i materialy o pol'sko-litovskih peregovorah 1920 g. [Violated the neutrality of whether Lithuania in the Soviet-Polish war? Documents and materials of the Polish-Lithuanian negotiations in 1920], *Baltijskie issledovanija. Vostochnaja Prussija i Kaliningradskaja oblast' v XX veke [Baltic Studies. East Prussia and the Kaliningrad region in the XX century]*, no. 5, pp. 5—23.
39. Kasparavichius, A. 2004, Sovetskaja diplomatija i pol'sko-litovskij konflikt, 1925—1935 gg. [Soviet diplomacy and the Polish-Lithuanian conflict, 1925—1935], *Sovetsko-pol'skie otnoshenija v politicheskikh uslovijah Evropy 30-h godov HH stoletija [The Soviet-Polish relations in the political conditions of Europe 30-ies of XX century]*, Moscow, pp. 129—138.
40. Laurinavičius, Č. 2000, Geopolitikos ir demokratijos dilema: moderniosios Lietuvos užsienio politika ir Steigiamasis Seimas [Geopolitics and democracy dilemma modern Lithuanian foreign policy and the Constituent Seimas], *1920—1922 metų parlamentinė patirtis: sprendimų politika, tikslai, aplinkybės [1920—1922 years of Parliamentary experience: policy decisions, objectives, circumstances]*, Vilnius, pp. 33—40.
41. Butkus, Z. 1999, The diplomatic cooperation between Germany and the USSR in the Baltic States in 1920—1940, *Lithuanian Foreign Policy Review*, no. 3, available at: <http://www.lfpr.lt/uploads/File/1999—3/Butkus.pdf> (accessed 25 February 2012).

About author

Maria A. Mankevich, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: ourhistory@mail.ru